

НЕ ОТПУСКАЙ

*...он готов стать монстром,
чтобы она выжила...*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Derren White

Rayna Writes

Не отпускаяй

<https://litres.ru/74621664>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элла учится на онколога и знает: иногда смерть сильнее тебя, сколько ни борись. Адриан готовится возглавить мафиозную семью и знает: смерть — это просто решение, которое принимаешь ты.

Они встретились на ночном шоссе. И после этой встречи собрать себя заново оказалось сложнее, чем разбить всё вокруг.

Каждый его день — это выбор, цену которого платят оба.

Он готов стать монстром, чтобы она выжила. Она не знает, готова ли простить всё, что он уже сделал.

В тексте есть:

Сложные отношения и криминальный мир

Сильные эмоции, англ и рефлексия героев

Эмоциональные качели и «стекло»

Скрытая беременность

Однотомник.

Содержание

Маньяк?	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Rayna Writes

Не отпускай

Маньяк?

*Это была случайность. Их много
бывает в жизни. И многие из них
роковые.
(из к/ф Этим вечером ангелы плакали)*

Я гипнотизировала огромного монстра под названием кофемашина, что уже давно сварил посредственный американо для очередного посетителя.

— Девушка, кофе уже готов? — скрипучий голос женщины прошелся лезвием по ушам.

Схватила стаканчик, чтобы избавить наш слух от недовольных замечаний, и через секунду осознала, что забыла надеть дополнительный слой картона. Разжала пальцы, выругавшись, зашипела. А после и вовсе подпрыгнула, когда на ноги полетели брызги горячего напитка из ударившегося о пол стаканчика.

— Вы всегда такая неуклюжая? — у женщины совершенно отсутствует и такт, и чувство сострадания.

Я посмотрела на обожженную красную ладонь, что стре-

нительно стала покрываться волдырями, сжимаю челюсть, закрываю глаза. Я обещала Реммао быть более приветливой, не хамить посетителям. Даже если они ведут себя хуже стаи шакалов. Но в итоге, поняла, что не в этот раз, когда услышала очередной упрек.

— Милочка, ты можешь пошевелиться? Тебя тут, вообще-то, ждут. Дома насмотришься на свои кривые ручки.

Единственным желанием стало стереть эту отвратительную самодовольную усмешку с лица заносчивой стервы. Желательно половой тряпкой. Это идея. Я точно не смогу смолчать. А, значит, меня точно уволят. Пусть мой уход будет красивым. Я фальшиво улыбнулась и сквозь зубы произнесла:

— Простите, пожалуйста, давайте я Вам сделаю комплимент от шефа за счёт заведения? — моргнула глазами, создавая ангельский образ добродушной дурочки.

— Надеюсь, шеф — это не ты?

Ничего не ответив, я сделала новый кофе одной рукой, поставила без крышки на столешницу и попросила не брать пока. Ушла в кладовую, взяла половую тряпку, намочила в ведре, воду из которого я так и не вылила утром. Вышла, снова улыбнулась. Подойдя к стойке, продолжила смотреть ей в глаза и демонстративно здоровой рукой выжимать грязную воду в стакан с кофе. Лицо стервы изменилось в секунду. Она что-то начала кричать об увольнении, суде и прочем. Но мне уже без разницы. Я сняла с себя надоедливый отврат-

ный фартук и бросила его на ближайший столик.

Стеклянная дверь громко стукнула из-за отсутствующего доводчика. Когда-нибудь Ремм перестанет жадничать денег на ремонт и зарплату своим сотрудникам. Когда-нибудь... Но меня, слава Богу, тут уже не будет.

Пошла по улице, заглядывая в витрины магазинов: лёгкое платье, грубые ботинки и косуха — не самое лучшее сочетание для поздней осени. Я немного сгорбленная, тщетно пыталась укутаться в куртку, чтобы уберечь от прохлады своё тощее тельце. Пронизывающий насквозь ветер спутал мои длинные темные волосы, превратив локоны в стог сена на голове. Но, несмотря на это, я ощущаю эйфорию. Я уволилась. Бросила к чертям эту отвратительную работу, где получала всего двадцать баксов за смену. Да, я не могла работать полноценные двенадцать часов из-за университета, но Реммао подло пользовался моим положением. Каждый раз, когда я говорила, что мне необходимо больше платить, он искал отговорки и показывал сомнительные жалобы.

Радость от свободы стремительно покатила к чертям, когда пришло осознание, что меня убьет Ремм, когда узнает, что я бросила вот так своё рабочее место. А ещё выслушивать от матери за то, что подставила ее такого замечательного знакомого... Ну вот и работала бы сама на этого скрягу, раз он такой весь замечательный и распрекрасный. Тираду негодования, что я себе бубнила под нос, прервала песня «Way Down We Go» KALEO. Мне конец — пронеслось в голове.

Это звонит телефон... А там или Ремм, или мама...

До общежития при университете я дошла под возгласы о том, что я неблагодарная дочь и сегодня должна обязательно приехать домой для разговора. Прекрасно, тарыхтеть час на электричке, чтобы выслушать все то же самое, только теперь с видеосопровождением. В комнате я отогрелась горячим чаем, покрутилась у зеркала и решила, что переодеваться не буду.

От кампуса до аудиторий идти максимум минут пять, не отморожу, надеюсь, свои придатки. Посмеялась сама своим же мыслям. Так всегда говорила моя бабушка, когда забирала со школы слишком легко одетую. Потому что после смерти папы маме стало как-то совершенно наплевать на то, что с ее дочерью. Сначала в десять лет я пыталась выживать сама: готовила есть, убирала, искала варианты подработки, чтобы купить себе хоть что-то поесть, пока она пьяная валялась на диване в гостиной или с очередным мужиком в спальне.

Я никому не рассказывала о том, что происходило дома, потому что было стыдно. Просто прятала синяки, царапины и другие вариации побоев за объемными свитерами и джинсами. Наверное, по этой причине сейчас, когда я живу здесь сама, стараюсь носить красивую одежду, которая может подчеркнуть мою физическую форму, привлекательность. Мать стала игнорировать всех наших родственников, запрещать им приезжать, постоянно ссылаясь то на мою болезнь, то на

мое неадекватное поведение из-за горя. Да, мне было плохо, хотелось волосы вырвать и кожу содрать ногтями, чтобы хоть как-то отвлечься на физическую боль с моральной. Но все слезы и крики в подушку я оставляла на ночь. Днём же занята была проблемами насущными.

Сама не заметила, как свыклась с таким положением дел, привыкла к такому распорядку. Утром — школа, днём — раздача листовок и разнос газет, журналов по домам нашего квартала, вечером — магазин, готовка, уроки, ночью — слезы и короткий сон, полный кошмаров и ужасов. За полгода я очень похудела и стала походить на скелета, обтянутого кожей, синяки под глазами, вечно подрагивающие руки. Это не особо бросалось в глаза из-за объёмной одежды, потому тревогу никто не бил. Пока на перемене меня нечаянно не сбил одноклассник во время погони за другом. Я упала, ударились головой и провалилась в темноту.

Помню, что именно тогда, в какой-то невесомости, я почувствовала себя свободной, счастливой, без обязательств и косых взглядов со стороны. Нет, меня не обижали сверстники, на удивление, отнеслись с пониманием к горю. Сказывался ещё и авторитет среди одноклассников, который был заработан предыдущими годами. Но с каждым новым отказом пойти погулять, прийти в гости или позвать к себе домой кого-то, я все больше отдалялась от друзей, пока не потеряла их всех. Стала одиночкой, на которую все поглядывали с недоверием.

Так вот, после падения я очнулась в больнице, шевелиться было больно. Оказалось, у меня сотрясение, перелом бедра, и из-за сильного истощения я провела без сознания два дня. Мать не смогли найти, каким-то образом вышли на мою бабушку по папиной линии. Она была шокирована... Все переживала, что я так себя довела. После того, как меня выписали из больницы, бабушка привезла меня домой, где я расплакалась: идеальная чистота, вкусный запах из кухни и трезвая мама. Я и забыла совсем, что именно так должна выглядеть нормальная жизнь, семья.

Но, как только моя реабилитация закончилась, мама снова стала пить, а наша жизнь стремительно покатилась на дно. Она меня не соглашалась отдать бабушке, поэтому я снова стала работать, учиться, делать домашние дела. Одним утром, когда я собиралась в школу, обнаружила, что нет моего нового пуховика, который подарила на днях бабушка. Она увидела, в каком состоянии старая куртка, и выкинула ее на помойку. Маму я нашла в кровати с незнакомым мужиком обнимку, я поняла, что мою куртку продали. Причина тому была пустая бутылка текилы на столе.

Закрывшись в ванной комнате, я села на пол, обняла свои коленки и так сильно заплакала, словно у меня кто-то умер. Это стало, как будто бы, последней каплей. Я позвонила бабушке, попросила забрать меня со школы. Сама же надела лёгкую весеннюю куртку и пошла в ней в пять градусов 5 градусов по Фаренгейту равна -15 градусов по Цельсию на

учебу. Бабушка, когда меня увидела, сразу же стала причитывать, что я отморожу себе придатки. Понятия не имела тогда, что это такое, но шла и плакала от такой теплой заботы.

Дома мы собрали мои скромные пожитки, которые легко поместились в небольшую дорожную сумку. Как она забрала меня к себе, что сказала маме — не знаю, но, честно, мне было все равно. Следующие четыре года бабушка прививала мне любовь к себе и выбивала из головы дурь о том, что кроме себя я никому не нужна. И она справилась, стала моим светом, заАдрианила мне маму... Да что там, была мамой! Она была.

Непрошенная слеза обожгла кожу, скатываясь по щеке и падая на пол. Я быстро ее смахнула и покачала головой в стороны. Нет! Я не буду плакать. Мы с бабушкой договорились, если я хочу, чтобы ее душа была спокойна, я должна жить дальше, радоваться, быть счастливой! Ради нее и ради себя.

Звук капли показался слишком громким в тягостной тишине. Смс гласило:

Дня

«Котик, я рада, что ты можешь себе позволить забить на пары, но мистер Грейсон рвет и мечет. У нас письменный зачёт на носу. Ты где?»

Хватаю гаджет и мчу в корпус, что за день такой...

Еду в Электричке до Гринвича уже минут пятнадцать, уши наслаждаются I Hate Everything About You, впитывая

каждое слово, будто молитву.

Руки стали холодными, несмотря на то, что я их кутаю в длинные рукава темно-зеленой худи. Косуха не особо спасает от пронизывающего сквозняка, но закрыть окно не могу, потому что неподалеку от нас едет бомжеватого типа человек с соответствующим запахом. Укутавшись посильнее в свои оверсайз вещи, я прислонила голову к окну и закрыла глаза.

Снова вспоминаю бабушку. Свое пятнадцатилетие я встретила на кладбище... Это было не так, как с папой. Его похороны я помню от и до. Не совсем понимала, что происходит, пока не увидела его, лежащего в гробу. Бледного, неподвижного... Тогда я стала плакать и просить, чтобы он перестал так глупо шутить.

Похороны бабушки прошли словно в тумане. Знаете, вот это чувство? Когда вам кажется, что вы счастливы, что вот сейчас готовы горы свернуть... а потом бац - и нет больше ни гор, ни людей, ради которых ты готов был что-то делать. Она так активно готовилась к моему дню рождения, так старалась сделать какой-то невероятный праздник... А я упорно делала вид, что не догадываюсь об этом. Вот такие игры у нас были. И мы обе были счастливы, казалось. Но за неделю до этого она вдруг упала на кухне. Скорая помощь увезла ее в больницу.

Там, посмотрев документы, мне сказали диагноз — глиобластома головного мозга. Бабушка знала о нем, но ничего

не делала... Потому что сказали, что уже поздно, да и продлить жизнь можно всего на год-два, но качество жизни не факт, что сохранится. Я тогда выбежала из больницы, села на ступеньках и просто разрыдалась, не обращая внимания на окружающих людей.

Молодой доктор по имени Леон смог меня успокоить и объяснить, что это не предательство с ее стороны, что так она просто хотела побыть со мной в здравом уме и чистом сознании как можно дольше. Понимание, почему она так сильно хотела сделать этот чертов праздник таким большим, ещё больше выбило из колеи. Бабушка пришла в себя через два дня. Все просила прощения, что не успела подготовить все... Глупость, такая глупость! Я ведь ни в чем ее не упрекала...

Я сидела, плакала, обнимала ее руку и уговаривала лечиться. Я обещала, что буду за ней ухаживать, делать все, но глиобластома была убедительнее меня.

Последние ее слова отпечатались в памяти гравировкой на подкорке:

— Элла, милая моя девочка. Будь счастлива, прошу. Не закрывайся от людей. Позволь им разглядеть в тебе ту милую красивую сильную девушку, какой ты являешься. Будь счастлива. Ради меня. А самое главное — ради себя.

Потом душераздирающий писк на мониторе, толпа врачей, мои крики, заглушающие все звуки вокруг. Руки, что оттаскивали меня от кровати, люди, что просили успокоиться, запах от нашатыря, что снова и снова приводил меня в

чувство... И горькое разочарование в жизни, а потом твердое решение стать врачом-онкологом.

— Девушка, не уступите место? — толчок в плечо вывел из мрачных воспоминаний, что постоянно накрывали, когда я ехала домой.

Какая-то дряхлая старушка, сидящая рядом со мной, просила уступить место для женщины с ребёнком. И, нет, мне не тяжело это сделать, но почему, блин, всегда трогают меня? Оглядываюсь по сторонам, понимаю, что я проехала свою остановку. Теперь придётся идти пешком ещё по меньшей мере милю.

Домой я пришла намного позже обещанного, вся продрогшая, голодная и в предвкушении очередного скандала. Мама встретила меня дежурным приветствием, а потом начала издалека узнавать, в чем причина моего увольнения. Реммао был ее хорошим знакомым. Иногда мне казалось, даже слишком хорошим. Он имел сеть кофеен по нескольким городам, но в ту, куда устроил меня, любил сам частенько заглядывать...

— Элла, ты так не должна себя вести, — весьма странно, что она пыталась сдерживаться, ее наманикюренные пальчики тихонько постукивают по столешнице. — Мистер Дуглас очень хорошо к тебе относится. Он многое тебе прощает. К тому же, это дополнительный доход нашей семьи.

— Мам, ты издеваешься? Какой дополнительный доход?

Шестьсот баксов в месяц — это ничтожная сумма. К тому же, — акцентирую взгляд на ее свежем маникюре, — эта сумма, судя по всему, уходит у тебя на ногти, а не в погашение долга!

— Элла, перестань, — она, как обычно, начнет заливать мне сейчас всякую ерунду, — я все ещё вполне симпатичная женщина, мне даже нет сорока...

— Мам, тебе сорок будет через два месяца!

— И что? Я должна выглядеть презентабельно.

— Фу, ты не слышишь, как это мерзко звучит со стороны? Пре-зен-та-бель-но, — скривившись, я проговариваю слово по слогам, — ты будто продаешь себя.

— Не будь наивной дурочкой. Если ты думаешь, что, укутавшись в вещи на три размера больше, сможешь привлечь какого-нибудь красивого успешного и богатого мужчину — я тебя разочарую. Не сможешь.

Я хотела ей высказать, по какой причине у меня сохранилась привычка, приезжая домой, надевать такую одежду, но не стала.

— Так вот, Элла. Реммао. Раз ты такая глупая и в двадцать лет до сих пор не поняла, почему он тебя возле себя держит, почему всегда идёт на уступки...

— Мам, не смейся! Он мне платит столько же, сколько я получала, когда в школе работала разносчиком газет! На мои слова о поднятии зарплаты, он отмахивается жалобами. Скажи спасибо, что я вообще столько проработала у него.

— Элла, — мама тяжело вздыхает. Меня, честно говоря, всегда напрягала эта наигранная драма. — Хорошо, давай начистоту. Он платил тебе за каждый выход пятьдесят долларов. Просто на руки отдавал тебе двадцать, а мне тридцать.

— Что? Как ты посмела так поступить со мной?!

— Элла, я не могла позволить тебе получать всю сумму, нам ведь нужно погасить долг...

— Не смей! Не смей так поступать со мной! Это твой долг, — я подорвалась со стула и ткнула ее в грудь. — Ты взвалила на меня свои проблемы и заботы с десяти лет! У нас был уговор: я не лезу в деньги отца, а ты оставляешь меня в покое. Но раз за разом ты умудрялась портить мне жизнь!

— Это я порчу? Элла, если я не верну всю сумму, то эти люди придут и к тебе!

— Да мне плевать, вот честно. Справлялась и не с таким. Горечь обиды сковывает горло, мне хочется рыдать и плакать... Сколько ещё подлости я должна получить от самого близкого человека? Хотя... уже давно пора было бы привыкнуть. У меня мать не является «мамой». Я хотела встать и убежать, но она снова продолжила:

— Элла, не веди себя, как подросток. Тебе нужно вернуться к Реммао. Так уж и быть, он примет тебя назад.

— Спасибо, не надо. Если ты так хочешь, можешь сама пойти к нему работать и получать свои пятьдесят долларов за два-три часа работы.

— Элла, — она снова вздыхает и закатывает глаза, — как

же с тобой тяжело...

— Ну да, конечно. Тяжело тебе со мной, а не наоборот.

— Реммао не просто так прощает тебе все, — мама решила проигнорировать мой выпад. — Если бы ты была повнимательнее, то поняла бы, что нравишься ему... — мое лицо начинает искажаться в рвотном позыве. — Как девушка, женщина.

— Фу, мам, ты сейчас серьезно? — надеюсь, что это просто нелепая шутка, чтобы наказать за мои слова, хотя внутри уже все сделало пару кульбитов, заставив тошноту усилиться.

— Элла, посмотри на него не со стороны подчинённый-начальник. А со стороны девушки, которая видит перспективного симпатичного мужчину-бизнесмена.

— Мам, это бред, он почти как ты возрастом! Если такой весь симпатичный перспективный, то, пожалуйста, можешь хоть под венец с ним идти!

Мои истеричные крики заполнили кухню, накаляя пространство, словно металл в печи. Это омерзительно, отвратительно и аморально. Моя мать действительно была недурна собой от природы, а дорогие косметологи смогли удачно замаскировать пять лет алкоголизма, чем она открыто пользовалась. Каждый раз, когда знакомилась с очередным мужчиной, сканировала его моментально и пыталась этому научить меня. Мерзко. Ненавижу.

— Элла, я была бы не против, может быть, такого муж-

чины. Лет десять назад. Но, во-первых, ему приглянулась именно ты, а во-вторых, мне нужна рыбка покрупнее. И за то, чтобы попытаться приударить за тобой, он готов... — она прикусила язык, осекшись, будто чуть не сболтнула лишнего.

Мне кажется, в тишине, воцарившейся в тот момент в комнате, можно было расслышать, как упала на пол и разбилась моя челюсть.

— Что?! Ты в своем уме? Ты меня ему продаешь? Ты вообще себя слышишь? Мама, как ты можешь? У нас с тобой был договор: ты не лезешь ко мне, я не лезу к деньгам отца. Оставленным, на минуточку, мне! Я молчу, что ты все деньги почти просадила, молчу, что снова я должна впахивать за копейки, чтобы тебе на маникюр, блядь, хватило! Тебе не стыдно? Ты не хочешь работать, а просто ищешь мужика, который станет тянуть все твои хотелки! Это омерзительно!

— Элла, — ее тон стальной, но спокойный, — не драматизируй. Так живёт половина штатов. Нужно быть дурой, чтобы не пользоваться природными данными во благо себе. А насчёт денег отца лучше молчи. Создала для себя идеально-го мужчину. Думаешь, он это все честным трудом заработал? Как бы не так. Его руки были по локоть в крови. И радуйся, что ты не ощутила на себе груз таких кровавых денег.

— Не пытайся очернить его память! У тебя не выйдет это! Даже если он был в чем-то не прав, то это уж точно не даст тебе стать выше в моих глазах. Я с тобой продолжаю общаться

только потому, что вынуждена тебе помогать. Не хочу, чтобы последний мой родственник, хоть и такой, умер. Да ещё и по моей вине.

Я хватаю полупустой рюкзак и злая направляюсь в сторону выхода. Но мама хватается меня за край куртки и говорит вдогонку:

— Если мне не веришь — позвони мистеру Льюису. Раз он был так любезен рассказать тебе о деньгах на похоронах бабушки, то пусть уж поведаёт всю историю твоего отца.

Она отпускает натянутый край куртки, и я отшатываюсь слегка к двери.

— Не верю. Ни тебе, ни ему.

— Да пожалуйста. Твоё право. Но насчёт Реммао ты подумай. Хороший мужчина. В самом соку, — мама подмигнула и будто облизнулась.

Фу, что за мерзость! Я выбежала из дома и села на траве, схватившись за голову. Это не моя жизнь, это какая-то параллельная вселенная. Гребаная Гринвичская вселенная. Она намного мрачнее и отвратительнее, чем та, в которой я нахожусь, когда учусь в университете. Многие не любят Нью-Йорк. Называют его грязным городом. Мне же в нем дышится намного легче, чем в живописном родном городе... Все дело в людях... и в нашей памяти о них.

У меня есть два варианта: вернуться домой и продолжить споры с мамой или поехать обратно. Конечно, я выбираю второй вариант. Снова втыкаю наушники в уши и искрен-

не радуюсь, что они ещё не успели разрядиться, в отличие от телефона. Гаджет показывает тридцать пять процентов, но я надеюсь, что на час его ещё хватит. До станции я иду пешком, потому что автобусы уже ходят реже, и, чем стоять и мёрзнуть, проще двигаться вперёд. Звук на максимум на первых нотах любимой *Join me in death*, а я прокручиваю в голове слова мамы насчёт мистера Льюиса. Неужели он мне действительно может что-то сказать, чего я ещё не знала? Он был папиным юристом и хорошим другом, а потому на похоронах бабушки рассказал о том, зачем я была нужна матери, о нашем финансовом состоянии и вообще о вещах, которые, честно говоря, не должен знать пятнадцатилетний ребенок. Хотя, справедливости ради, нужно заметить, что в этом возрасте я уже давно не была ребенком. После смерти папы резко стала взрослой.

Ветер начал дуть сильнее, склоняя густые кроны деревьев ниже к земле, луны практически не было видно за густыми облаками, а пустая дорога освещалась всего несколькими фонарями. Страшно мне не было, но атмосфера навеивала грусти и не самых приятных воспоминаний о том, как в пятнадцать лет я шантажировала мать.

Оказывается, мой отец за неделю до смерти застраховал свою жизнь на несколько миллионов. Но получить их могла бы только я. И только после своего восемнадцатилетия. Ещё у него, оказывается, была внушительная сумма на скрытом счете, завещанная тоже мне. А папин юрист потом объяс-

нил маме, что эти деньги можно было равными долями снимать со счета, но при определенных условиях... Нужны были свидетели, что я живу в хороших условиях, независимые эксперты, так сказать. Одним из них должен был стать Джон Льюис, тот самый юрист...

Сама не заметила, как прошла полпути, пока размышляла о том, что смерть папы была как будто несчастна. Да и его эти уловки с деньгами... Неужели он и вправду знал, что моей матери на меня наплевать? Резко света стало больше, и я, не вынимая наушников, оглянулась, чтобы посмотреть, что там сзади едет. По расположению фар стало ясно, что это какой-то крупный внедорожник. Очередной мужик, что компенсирует размер своего члена автомобилем. Я хмыкнула сама себе. Вот это мысли меня посещают посреди ночной трассы.

Я пошла дальше, через минуту задумавшись, почему машина до сих пор не уехала вперёд, ведь сворачивать тут некуда. Ещё раз оглядываюсь и подсакиваю. Эта здоровая машина еле едет в метре от меня. В голове сразу всплывают отрывки фильмов об убийцах и маньяках. Глаза бегают из стороны в сторону, думаю, что делать и куда бежать. Чтобы шмыгнуть в лес, нужно сначала спуститься вниз по насыпи, это может быть больно и небезопасно... Но точно безопаснее, чем маньяк с ножом. Я представила его именно так. Псих с огромным тесаком. Вспоминаю, что у меня есть перцовый баллончик, который я ношу всегда с собой на случай встречи

со сворой бездомных собак. Так, прыгать сейчас с дороги на насыпь я точно не буду, посмотрим, может это какой-нибудь глупый шутник. Нужно подождать. Сбавляю громкость в наушниках на минимум, чтобы слышать все происходящее:

— Девушка, вы не боитесь, что на вас так кто-нибудь нападет? Или вас украдут?

Окно пассажирского сиденья опустилось, и я увидела внушительных размеров мужчину со смуглой кожей и белыми как пшеница волосами. Он улыбнулся, но только губами, а глаза его, светло-голубые, практически прозрачные говорили: «беги!». Что я и сделала. Сначала побежала вперёд, потом хотела свернуть в лес, но споткнулась и полетела кубарем вниз. Почувствовала сильную боль в области затылка, а после... невесомость и темнота.

Когда я начала приходить в себя, не сразу поняла, где нахожусь. Потерев висок, стала открывать глаза, и первое, что привлекло внимание — это яркая подсветка на приборной панели, а также внизу, в ногах. Проморгавшись, я сначала хотела ругнуться, не понимая, где же я, а потом повернула голову влево и застыла. Это же тот мужик из внедорожника. А я, получается, сижу в его тачке! Какой кошмар, кошмар, он меня убьет. Изнасилует, а потом убьет. И расчленит! Точно! Так и будет! Что делать? Мысли, словно резвые скакуны, пересекали полушария и выпрыгивали из головы, не давая сосредоточиться. Боль в затылке добавляла беспокойства, а его невозмутимое лицо — ужаса. Я вспомнила снова о пер-

цовом баллончике и стала рыскать глазами вокруг в поисках рюкзака. Ни на коленях, ни под ногами его не было.

— Если тебе что-то нужно, ты можешь просто мне сказать, — он ухмыльнулся, а потом добавил, покачав головой, — бедовая.

— Что? — переспросила я, не понимая, к чему это он.

— Ты рванула куда-то, упала, я думал, шею себе свернула, но нет. И это радует.

— Что именно? — прищуриваюсь и пытаюсь понять, чего ему от меня нужно.

— Как, что? Что шею не свернула.

— Почему? Хочешь сначала помучить меня, а потом сам свернуть ее?

Я напряглась всем телом. Из динамиков отдаленно доносится инструментальная музыка, вроде это саундтрек к Интерстеллару. Я ничего не имею против инструменталки, сама люблю под нее делать проекты, да и фильмец это прекрасный. Но кто в здравом уме под такое будет ехать ночью по трассе? Так, спокойно, Элла. Дыши. В передачах о маньяках всегда говорят, что нужно выйти с ними на контакт, но не нервировать. Это у меня слабо получается... Однако мой собеседник и по совместительству водитель оказался весьма весёлым. На мою фразу он отозвался низким бархатистым смехом. Весьма приятным даже. Но просмотры на ночь Youtube не прошли даром. Обычно о насильниках и серийных убийцах говорят, что те были хорошими, добрыми

и приветливыми. Может, и об этом так когда-нибудь скажут.

— Где мой рюкзак?

Я стараюсь говорить уверенно, но голос выдает волнение, перерастающее постепенно в панику, когда я понимаю, что ещё и еду в противоположную сторону от станции.

— Там, на заднем сиденьи. Надеюсь, ты ничего не выронила, пока летела вниз? Возвращаться у меня времени нет.

Я наклоняюсь между сиденьями и начинаю шастать руками в поисках спасительного аксессуара. Найдя его, сразу же расстегиваю и ищу там баллончик.

— Ты можешь остановиться и выпустить меня, если у тебя нет времени.

Я становлюсь чуточку смелее, держа в руках спасительное средство самообороны.

— Нет, так не пойдет... — он хочет что-то продолжить, но я резко возвращаюсь на сиденье и уже на повышенных тонах начинаю возмущаться:

— А ну, останови машину и выпусти! —ставляю руку с перцовым баллончиком вперёд, впритык к его лицу. — Куда ты меня, черт возьми, везешь?!

— Ты совсем дурная? Так сильно головой приложилась, когда падала? — он махнул кистью, отодвигая мои руки в сторону. — Я в больницу тебя везу, ненормальная!

— Останови машину и выпусти меня! Знаю я вас! Сначала заговариваете зубы, потом увозите непонятно куда, а после насилуете, убиваете и расчленяете!

Нервничая, я ногтями срываю предохранитель с баллончика и продолжаю требовать остановиться, но это светловолосый амбал меня просто игнорирует, продолжая ехать дальше. Я успеваю разглядеть его вполне симпатичный профиль: прямой нос, выступающую линию челюсти, пухлые губы и светлые нахмуренные брови, нависшие над чистейшими небесными глазами. Зерно сомнения, что это маньяк, начинает потихоньку прорастать. Ну не может убийца быть настолько красивым. Я уже собираюсь убрать свое оружие, но мы подпрыгиваем на какой-то кочке, пальцы с перепугу надавливают на клапан, и я слышу сначала его маты, потом — визг тормозов, а после чувствую, как сильно жжет мои глаза.

Мы оба выбегаем из машины, ловя свежий воздух и подставляя лицо прохладному ветру. Жжение никак не отпускает, слезы ручьем текут из глаз, но я стараюсь их открыть, чтобы понять: меня убьют сейчас или это случится чуть позже. Однако вместо разъяренного убийцы сквозь небольшой туман я вижу светящиеся вывески местной больницы метрах в ста от нас. Не врал, получается? Действительно вез к врачам? Чувство стыда за свою неуравновешенность перевесило даже боль в глазах. Я наощупь обошла автомобиль и попыталась скомканно извиниться, однако была успешно послана на хрен. Что ж, вполне заслуженно. За руль этот мужчина, конечно, сесть уже не мог, а потому мы пешком, почти вслепую пошли сдаваться докторам.

У стойки регистрации я услышала его имя и фамилию —

Адриан Россо, а также поняла, что у моего нового приятеля нет страховки, он сказал, что оплатит все наличными. И за меня тоже. Нас определили в одну палату, где сделали какой-то компресс и сказали лежать час. В гробовой тишине я слышала, как медленно и лениво передвигалась стрелка часов. Она, будто издеваясь, замирала и отказывалась переходить дальше, растягивая наше молчание, как жевательную резинку. Первая не выдержала я:

— Прости, пожалуйста. Я не хотела, чтобы все закончилось вот так.

— А как ты хотела, чтобы я врезался в дерево? Чтобы уже наверняка нас не смогли спасти? — его ехидный тон не помог мне. Я ведь совершенно не умею извиняться.

— Вообще-то, ты сам виноват! Подъехал сзади. Напугал до чёртиков, потом посадил в машину и увез куда-то.

— Когда в следующий раз увижу двинутую, обязательно проеду мимо!

— Тебе мало перцового баллончика? Могу добавить ещё подносом по голове! — психовала я. — Хотела извиниться, а ты вместо того, чтобы отреагировать, как мужчина, включил мудака!

Я слышала какое-то шевеление сбоку, а потом почувствовала, как с глаз сняли компресс. Открываю их и вижу нависшего надо мной Адриана. Даже сквозь слезящиеся глаза невозможно было не заметить, что он красив. Мягкие черты лица контрастировали с холодными, пронизывающими на-

сквозь радужками.

— В следующий раз, Элеонора Пальма, думай, прежде чем что-то делать. Рядом может оказаться не такой терпеливый человек.

Мятная жевательная резинка, что была у него во рту, обожгла холодом губы. Он не говорил — он избивал словами. Спокойно, уверенно, словно является истиной в последней инстанции. Но разве меня можно этим пронять?

— А вы, Адриан Россо, когда в следующий раз решите поиграть в героя, сделайте одолжение, не будьте засранцем!

Я улыбнулась, словно пятиклассница, уделавшая в споре своего ненавистного врага.

— Да ты бессмертная, что ли? Помолчать вообще не можешь?

— Только после вас! — не унималась я, не понимая, откуда вообще у меня силы на все это.

Адреналин уже давным-давно перестал действовать, но запал на спор никак не угасал. Пока мы обменивались колкостями, я слышала, что его голос стал как будто мягче, теплее. Мне даже понравилась наша негласная война в язву. В кабинет вошёл врач, который проводил меня дальше на МРТ. Сотрясение мозга было незначительным, но врачи все равно настояли на том, чтобы ночь я провела под наблюдением. Вернувшись в палату, я собиралась сказать Адриану, что мне не удалось вырваться из лап медиков, однако его там уже не было.

— А вы не знаете, где молодой человек, который сидел на этой кровати? — поинтересовалась я у медсестры, что снимала постельное белье.

— Симпатичный здоровяк пошел на стойку регистрации. Его отпустили домой.

Мне стало немного обидно. Как так, хоть бы попрощался, неужели так сложно? Понятно, что мне надеяться там не на что. У такого красавчика явно телефон по швам трещит от номеров моделей разного калибра и уровня. Куда мне в такой стремной одежде, да ещё и со своей придурью... Но ведь нам было весело? Конечно, после того, как ты, идиотка, стала причиной попадания в больницу. Я собиралась дальше продолжить грустить, но в палату зашел ещё один медработник и сообщил, что меня переводят в другую палату. Одноместную, со всеми удобствами. Мне сказали, что все оплачено и переживать не нужно. Лёгкое тепло прошло по телу. Спасибо за заботу, Адриан Россо.

На следующее утро я проснулась поздно, от того, что солнце резко стало светить в глаза.

— Элла, если ты проспишь здесь ещё хотя бы час, то превратишься в помятое яблоко. Открывай глаза!

— О Боги, Леон, ты тут как оказался?

— Действительно, что я делаю в своем отделении? Понятия не имею.

— Я имела в виду, у меня в палате.

— Когда мне утром доложили, что в вип-палате лежит моя мартышка, я не мог не зайти. Рассказывай, что произошло. И что за бледный черт, о котором все медсестры шепчутся, будто Аполлона увидели.

— Лив, так и есть... Красив, чертяка...

Дальше последовали мои подробные рассказы о том, что я помню из вчерашнего вечера. Монолог, сопровождаемый смехом и восторженными вздохами, был прерван стуком в дверь. Леон принял букет от курьера и, не подходя ко мне, стал истерично смеяться.

— Элла, он подарил тебе белые лилии! Ну кто додумается дарить такое незнакомому человеку!

— Зато они красивые. Смотри, какие. Нежные, невинные.

— Ага, и способные убить тебя. Хочешь, поднесу поближе, но спасти от анафилактического шока не буду. Договор?

— Ты душный! Мне без разницы, что там за цветы. Сам факт, это от него. Точно от него. Эти лилии, как Адриан. Такие же белые и красивые, — захихикала я.

Леон тем временем исследовал упаковку, из которой достал записку. Он прокашлялся и принялся читать вслух:

«Милая Элла, ты такая же красивая, но, в то же время, опасная, как эти цветы. Прости, что вчера не попрощался, дела не могут ждать. Надеюсь, у тебя все хорошо. Вот мой номер, как проснешься — дай знать.»

Под шуточки Леона я записала Адриана у себя в телефоне, как «прекрасный альбинос», и дальше отправила смс о

том, что у меня все хорошо. А так же попросила больше не испытывать судьбу и не присылать мне лилии, если не хочет моей смерти.

Гринвич, хоть и не самый маленький пригород Нью-Йорка, но все равно, можно сказать, что здесь все всех знают, а потому я была практически уверена, что моей маме уже сообщили, что ее дочь попала в больницу. Я уже лежала и ждала, когда она придёт. Но ни утром, ни в обед, ни вечером, когда Леон торжественно объявил, что разрешает мне покинуть его отделение, никто не пришел.

— Элла, иди к машине, я скоро подойду, забыл в кабинете папку с документами.

— Ты меня довезти до станции хочешь?

— Нет, поедem до общежития. Я не хочу, чтобы тебе стало плохо в дороге. А так я тебя передам в руки заботливой соседки, которая, если что, позвонит.

Я не смогла сдержать улыбки: перспектива тарыхтеть не пойми сколько домой в компании бабулек и, возможно, бомжей, совершенно не прельщала. Но просто так согласиться, раз уж за меня решили, конечно, не могла.

— Ну ладно, доктор, как скажете! Только у меня условие.

— Элла, ты не перепутала ничего? — Леон выгнул бровь вопросительно. — Я тебя везу. Ты и так в плюсе. Думаешь, уговаривать должен?

— Конечно. Это ведь тебя съест совесть, случись со мной что по дороге. Так что мое условие простое: ты дашь мне

порулить.

— Нет, нет и ещё раз нет. Не за руль новой машины. Эта детка только для меня.

— Ну Леооон. Когда ты звонил и хвастался, что купил себе новенькую теслу - обещал дать покататься!

— Точно не после сотряса. Давай вернёмся к этому разговору через недельку?

— Тогда я не поеду! — демонстративно надуваю губы и складываю руки на груди.

— Элла, не дури, не стоит портить отношения со своим, возможно, будущим руководителем!

— Фу! Нет! Во-первых, я не вернусь в это болото! Я буду жить на Манхеттене! — кружусь и смеюсь, как ребенок. — А во-вторых, я уже сказала: терапевт — это скучно! Я буду онкологом! И в-третьих, поеду сейчас с тобой только за возможность порулить!

Я снова заливисто засмеялась, но почувствовав, что голова начинает кружиться, стала сбавлять обороты, пока не уткнулась в чью-то массивную грудь. Низкий голос пробрал до костей и вернулся наружу волной мурашек.

— А если я дам порулить, со мной поедешь?

Поднимаю голову и встречаюсь глазами со своим вчерашним знакомым. Мне бы сказать хоть что-то, но я могу лишь молча смотреть и утопать в бездонных светлых омуты. Понимая, что я задержалась слишком долго в его объятиях, резко отстраняюсь и чувствую — начинаю гореть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.